

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.01

К ИСТОКАМ «НЕКЛАССИЧЕСКОЙ» ПСИХОЛОГИИ: ПОПЫТКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СУЩНОСТИ ПСИХИКИ В СТАТЬЕ Л. С. ВЫГОТСКОГО «МЕТОДИКА РЕФЛЕКСОЛОГИЧЕСКОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ»

В. А. Карнаухов

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

e-mail:
karnauhov_va@rbcmail.ru

Излагается опыт понимания содержания первой «официальной» статьи Л. С. Выготского, с которой мыслитель пришел в психологию и навечно остался в ее истории. В ходе острой полемики с представителями эмпирической психологии исследователем закладывались онтологические основы «неклассических» представлений о предмете психологии и ее методе в контексте решения вопросов о природе психики.

Ключевые слова: Л. С. Выготский, предметная область, онтологические основы культурно-исторической психологии.

В современной российской психологии в последнее десятилетие заметно повысился интерес к методологическим проблемам. Среди них центральными, хотя и не в достаточной степени эксплицированными по сравнению с другими, продолжают оставаться вопросы о предмете, методе и, соответственно, о психике, сознании. Несмотря на то, что в этом плане, без сомнения, особое значение имеют работы классиков мировой психологии, их анализу, как в прежние времена, так и в современной науке, уделяется неоправданно мало внимания. Эта участь не миновала и творчества одного из самых выдающихся психологов XX в. Л. С. Выготского. Однако его позиция, являясь уникальной, заслуживает особого внимания. Лев Семенович пришел в психологию не только как человек с радикальными намерениями реформатора, но и как энциклопедически образованный человек, наделенный гениальной интуицией, как проницательный, разносторонне одаренный ученый «со свежим взглядом», мышление которого не было обременено ригидными схематизмами академического – «базового», как сказали бы в наши дни – профессионального образования.

Внимательное чтение работ раннего периода творчества Л. С. Выготского позволяет сделать однозначный вывод: мыслителя в самом начале его пути в науке в наибольшей степени беспокоили именно методологические проблемы современной ему психологии. Как ответственный ученый, пришедший в новую для него сферу профессиональной деятельности, он поставил перед собой задачу ответить на первостепенные для психологической науки вопросы: что является *предметом* психологии, при помощи какого *метода* «психическую реальность» можно изучать? Окончательно – аргументированно и развернуто – он сформулирует свое научное кредо в 1927 в хорошо известной методологической работе «Исторический смысл психологического кризиса» [1]. Но вариант позитивного решения этих вопросов в «первом приближении» был предложен им в докладе на 2-м Всероссийском съезде по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии в Ленинграде в январе 1924 г. на тему: «Методика рефлексологического исследования в применении к изучению психики», который был опубликован в виде статьи «Методика рефлексологического и психологического исследования» [2] – теоретической работы, начинающей библиографический список научных трудов мыслителя в статусе профессионального психолога.

Попытка толкования идейного содержания статьи позволяет нам говорить о том, что Лев Семенович хорошо понимал необходимость решения проблемы предмета и метода в контексте ответа на ставший сакраментальным к тому времени (и, увы, продолжающий оставаться таковым в наши дни) для психологии вопрос: *что есть психика/сознание?* Несмотря на то, что работа в целом посвящена критике метода рефлексологического исследования, наиболее значимыми для формулирования положений будущей культурно-исторической теории являются рассуждения Л. С. Выготского именно о *психике и предметной сфере* психологии.

Обосновывая свою позицию, исследователь выражает уверенность в необходимости преодоления ограниченности эмпирической психологии, построенной на принципах классической парадигмы: «Все толкает науку о поведении человека *выйти за пределы классического эксперимента и искать другие средства познания*» [2, с. 43 – 44]. (*Курсив автора.* – В. К.). Но для этого нужны *иные и основания, и средства для понимания реалий действительности*, подлежащих изучению в психологии. Для решения этой задачи он обращается к анализу дихотомии «психика/мысль – речь/речевое поведение». Выготский исходит из того, что мысль – это «только заторможенный рефлекс, задержанный, оборванный <...> рефлекс, в частности, словесное мышление – наиболее частый случай задержанного речевого рефлекса. <...> Мысленно произнесенное слово, т. е. без шевеления губ и шепота, – ведь оно все равно было и остается двигательной реакцией, условным рефлексом, без которого мысли нет» [2, с. 47 – 48]. (*Здесь и далее курсив наш.* – В. К.). Следует попутно заметить, что в данном случае мы в первый и далеко не в последний раз встречаемся с поразительной интуицией Л. С. Выготского: экспериментальные исследования по изучению механизмов речи («речедвижений»), на основании результатов которых можно было более или менее надежно что-то предполагать и утверждать, появились в советской психологии значительно позже – только в конце 1950-х годов (например: Жинкин Н. И. Механизмы речи, 1958.).

По убеждению Выготского «рефлексология обязана учитывать и мысли, и всю психику, если она хочет понять поведение. *Психика – только заторможенное движение*, а объективно не только то, что можно пощупать и что видно всякому. То, что видно только в микроскоп, или телескоп, или при рентгеновских лучах, – тоже объективно. Также объективны и заторможенные рефлексы» [2, с. 48]. Далее следуют очень важные для понимания психики мысли: «*Какой-либо рефлекс в его ответной части (движение, секреция) сам становится раздражителем нового рефлекса той же самой системы или другой системы.* <...> При той гигантской, колоссальной роли, которую в системе поведения играет именно *психика*, т. е. *невьявленная группа рефлексов, было бы самоубийством для науки отказываться от обнаружения ее косвенным путем через отражение ее на других системах рефлексов*» [2, с. 49].

Безусловно, общеупотребимая в то время в профессиональном психологическом сообществе рефлексологическая терминология «режет» слух и «бьет» в глаза, затрудняет адекватное понимание мысли и поэтому мы вынуждены пойти на риск и предпринять попытку выразить мыслимое Л. С. Выготским в терминах современной науки и при этом невольно «вчитывать» в его рассуждения свои представления. А из контекста следует, в чем мы уверены, что психологическая мысль, если она пребывает в «*онтологической плоскости*» сознания психолога (теоретика или практика), предполагает оперирование *понятием* «психика» как *вербальным конструктом*, раскрывающим (а точнее, – конструирующим) рациональными средствами содержание той, «другой», реальности, понимание которой не выводимо из содержания терминов, описывающих рефлекторную и высшую нервную деятельность, поскольку «теми методами, какими описывается мозг, описать сознание невозможно; оно *уже имплицитовано и допущено* в построении самих физических методов» [6]; (см. также: [5]). Термин «*онтология*» в данном случае мы понимаем в том философском смысле, который в него вкладывает М. К. Мамардашвили. Он говорит, что мы часто «переживаем нашу жизнь, когда ее причины и события <...> располагаем в таких местах и придаем им такие объяснения, которые ничего общего не имеют с тем, что происходит в действительности, если *под действительностью или реальностью понимать* в данном случае *выявление некоторых независимо от нас действующих сцеплений и механизмов, которые составляют онтологическую реальность сознания* в отличие от представленной в головах реальности (в последнем случае слово «реальность» можно взять в кавычки)» [7]. И еще находим у этого же автора: «Онтологическим является *утверждение о мире, имеющее природу неких общих посылок и допущений, а не о конкретных явлениях*» [5].

Если следовать предложенной логике, то «психическое» относится Л. С. Выготским к той категории явлений, «внутренним элементом самого существования которых является с самого начала то, о действии чего можно и, главное, приходится говорить *на специально соз-*

даваемом для этого языке» [6]. И, подчеркнем, вне такого языка, а значит и вне правил, по которым можно вообще что-то помыслить о психике, «психика», «психическое» (соответственно, сознание, мышление и т. д.) остается фикцией и становится условием для появления разного рода псевдонаучных «мифов», таких, как, например, отождествление психического с физиологическим или их «параллельное» сосуществование. Необходимо отметить, что, к сожалению, почти титанических усилий Л. С. Выготского и тех, кто последовал за ним, не хватило, чтобы такой подход к пониманию психики стал исходной посылкой для дальнейших теоретических и экспериментальных поисков. Современная отечественная психология (и, отнюдь, не только в учебниках!) изобилует примерами, когда психика – наивно-открыто или непробиваемо-догматично, или «по умолчанию», контекстуально – понимается все еще как «субстанция» – некая «натуральная сущность», локализованная в каких-то участках церебрального аппарата, объясняемая или как «свойство нервной системы», или как «функция мозга». В связи с этим невольно воспроизводится в памяти – как напоминание и предупреждение – известное высказывание материалиста «без страха и упрека» Ф. Энгельса: «Мы, несомненно, «сведем» когда-нибудь экспериментальным путем мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но разве этим исчерпывается сущность мышления?» [8, с. 563].

Так какое же содержание «свернуто» в понятии «психика», если следовать за мыслью Л. С. Выготского?! На этот вопрос автор отвечает, что за понятием «психика» стоят «*невывявленные рефлексы (немая речь), внутренние рефлексы, недоступные прямому восприятию наблюдающего, могут быть обнаружены часто косвенно, посредством, через доступные наблюдению рефлексы, по отношению к которым они являются раздражителями*» [2, с. 49]. Зафиксируем этот чрезвычайно важный момент: именно в данном пункте «классическая» модель понимания познающего субъекта дает «сбой» и оказывается в тупике, и, соответственно, обнаруживает свое бессилие логика «классической рациональности». Казалось бы, есть вполне обоснованное утверждение: поскольку мышление (сознание) недоступно в измерении, а, соответственно, – и в наблюдении, следовательно, его не существует вовсе. Однако, банально отмахнуться от мышления (сознания) никак не представляется возможным – в «классической рациональности» именно с него начинается сам акт познания (вспомним знаменитое декартовское «*Cogito, ergo sum*»); об этом же говорит наличие факта того, что «оно уже имплицировано и допущено в построении самих физических методов» [6], и поэтому, по образному выражению Л. С. Выготского, сколько не «гони сознание в дверь – оно войдет в окно» [3]. При наличии такой «тотальности» явлений сознания они неизбежно появляются как «вторая» субстанция (к великому сожалению, понимаемая исключительно в эмпирически-натуралистическом духе, с чем категорически не соглашался сам Выготский) – лишнее метрических тензоров «непротяженное» мышление. Все это, в конечном счете, приводит к «великой путанице» в истории научной мысли – ко всякого рода «дуализмам», «параллелизмам», «материализмам», «идеализмам», «спиритуализмам» и многим другим «измам», которые в онтологическом срезе ровным счетом ничего не стоят и ничего не дают для адекватного понимания психики, сознания, мышления, а только уводят в сторону и сбивают с толку.

Далее возникает вопрос: «*не выявленные*» – кем и «*недоступные восприятию*» – кого? Сам собою напрашивается ответ: не выявленные и недоступные восприятию, в первую очередь, для реактолога, рефлексолога и физиолога, изучающих поведение и высшую нервную деятельность в строгом соответствии с *принципами и требованиями классической науки* (в первую очередь, физиологии высшей нервной деятельности), поскольку их задача состоит в том, чтобы понятием «рефлекторная деятельность» охватить (описать и объяснить) все возможные проявления жизнедеятельности на уровне рефлексов, реакций и процессов высшей нервной деятельности. Более того, поведенческие реакции человека в образовавшейся лакуне, закрытой для известных к тому времени в науке «объективных» средств наблюдения, оттормаживаются или, наоборот, активируются неспецифическими (т. е., не совпадающими с теми, которые соответствовали бы биологической – *естественной* – природе компонентов, составляющих рефлекс) раздражителями – речевыми (*искусственными, культурными* по происхождению и генезису) стимулами. Отсюда следует, что *понятие* «психика» несет в себе (точнее, вероятно, должно нести) такое содержание, которое позволяет объективировать, описывать и объяснять феномены, недоступные в познании для реактологии, рефлексологии и физиологии высшей нервной деятельности так же, как виноград для лисицы в известной басне Эзопа.

Психология, по логике Л. С. Выготского, направлена на изучение непосредственно не наблюдаемых, но вполне реальных и объективных агентов – «невывявленных рефлексов». Однако изучение таких феноменов в психологии должно осуществляться не со стороны познания содержания обеспечивающих их нервно-физиологических процессов (вспомним, по прогнозам

Ф. Энгельса [8] – это обязательно когда-нибудь случится, однако не принесет ожидаемого результата), но – со стороны, где в высшую нервную деятельность вторгаются «инородные» (не естественные) образования – искусственные речевые «стимулы-средства», амплифицирующие поведенческие реакции. Именно здесь, *в области, где искусственные стимулы «конструируются», «производятся» и «вводятся» в процесс жизнедеятельности человека, а не в нейронных лабиринтах мозга, находится точка приложения сил психологии*. Выготский отмечает, что «...у человека легко выделяется одна группа рефлексов, которую правильно было бы назвать системой рефлексов социального контакта» [2, с. 52]. «Это рефлекс, – продолжает он, – на те раздражители, которые, в свою очередь, могут быть созданы человеком. Слово услышанное – раздражитель, слово произнесенное – рефлекс, создающий тот же раздражитель. Эти обратимые рефлекс, создающие основу для сознания (переплетенности рефлексов), служат основой и социального общения, и коллективной координации поведения, что, между прочим, указывает на социальное происхождение сознания» [2, с. 52]. И если «рефлексология строит фундамент нервной деятельности, – подытоживает Выготский, – то психология – высшую надстройку» [2, с. 55]. И, наконец, он формулирует радикальный вывод, одновременно направленный как против субъективной психологии, так и против «объективной» рефлексологии в пользу новой психологии, лишенной их «пороков»: «Субъективных состояний самих по себе – вне пространства и причины – не существует. Не может, значит, существовать и наука, изучающая их. Но изучать поведение человека без психики, как этого хочет рефлексология, так же нельзя, как и изучать психику без поведения» [2, с. 58].

Не составляет особого труда обнаружить, что здесь Л.С. Выготский впервые обнажает «меч» своей мысли против порожденного классической традицией дуализма. И хотя он и в конце своего творческого пути будет возвращаться к этому больному для психологии вопросу, логика его рассуждений в поисках основы для снятия «вечной» проблемы оттачивается уже здесь: с онтологической точки зрения «непротяженной» материи не существует, следовательно, нечего и «копья ломать». «Субъективного» нет самого по себе, как субстанции, оно есть «внутренний момент» «объективного» – поведения. (И именно поэтому для Льва Семеновича близок Б. Спиноза, а не, например, Р. Декарт.). И сложности, по большому счету, начинаются не здесь, где осмысливается *психическое и его место в мире*, а в плоскости, где осуществляется процесс построения основ его познания и, соответственно, метода, т. е. в плоскости, подчиняющейся эпистемологической «юрисдикции».

Краткий экскурс в проблематику статьи, с которой Л. С. Выготский пришел в психологию и остался навечно в ее истории, красноречиво свидетельствуют о том, что для него наивысший интерес представляли проблемы психики, предмета и метода, решение которых возможно только в контексте методологии становящейся науки. Уже в этой начальной точке своего творчества в области психологии он предлагает неординарное решение. Его новаторство заключается в том, что, пытаясь ответить на «главные вопросы» науки о душе, он *онтологизирует* предметную сферу психологии: начинает строительство внутрипредметной онтологии методологии психологии, полагая, видимо, что в противном случае просто не представляется никакой возможности освободиться из плена «эмпирического болота» парадигмы классической психологии. И в этом смысле мы солидарны с рассуждениями Е. Ю. Завершневой о том, что, по большому счету, в целом «вклад Выготского в психологию определяется даже не тем, что он создал «еще одну» психологическую концепцию, но прежде всего проблематизацией психологии, ее онтологического базиса, умением видеть в ней «архитектуру вопросов» [4]. Л. С. Выготский буквально с первых шагов в профессиональной деятельности привораживает к себе напряженным интеллектуальным поиском некоего «предела», то есть *предмета*, «который выделяется как предельный, на котором мы рассуждаем о возможном горизонте нашего мышления и практики относительно данного предмета» [6]. Другими словами, Л. С. Выготский притягивает поиском некой универсальной идеи психики, идеи «колесности», как сказал бы М. К. Мамардашвили [6]). (Сравните: «...Что есть «колесо» в смысле идеи? – *Весь горизонт наших возможностей передвижения.* <...> Или, например, «домность». Какая? Что такое «домность»? <...> Это ритм и одновременно горизонт, и релям человеческой жизни, которая производится в таком виде тысячелетия. Мы не представляем себе жизни вне дома. Куда бы мы не пришли – мы замыкаем пространство вокруг себя, обязательно вспоминаем или думаем о доме. «Дом» есть идея, а мы – *внутри идеи. Наше мышление внутри идеи*» [6].)

Эта новая для психологии идея звучит своеобразным обертонном в контексте зарождающейся психологической онтологии как самостоятельной дисциплинарной онтологии становящейся науки, внутри которой только и возможно мышление об этом явлении. Заметим, что в современной Льву Семеновичу науке о душе эта проблема заботила очень немногих

теоретиков и практиков психологии. Одним из исключений являются теоретические изыскания К. Левина, посвятившего немало строк в своих произведениях философским проблемам психологии. Остается сожалеть о том, что мы никогда не узнаем, о чем беседовали Курт и Лев Семенович во время пребывания знаменитого немецкого психолога в Москве в 1933 году.

Таким образом, попытка понимания задачи, решаемой Л. С. Выготским в своих первых психологических студиях, позволяет вычитывать мысли, согласно которым «психическое» (соответственно, сознание, мышление и т. д.), в первую очередь, – спекулятивное понятие, то есть, интеллигибельный конструкт (а вовсе не «субстанция», не «натуральный» предмет и не свойство какого-либо «материального» образования, например, мозга). Данное понятие, по логике мыслителя, своим содержанием выводит на понимание того, что человек, являясь, прежде всего, природным существом, осуществляет жизненно необходимые процессы взаимодействия со средой посредством механизмов рефлексорной деятельности, вполне адекватно описываемых в терминах физиологии высшей нервной деятельности. В то же время, человек принадлежит не только миру природы, но и социальному миру культурно-исторических явлений, составляющих его «вторую природу». Социальные влияния и воздействия, обнаруживающие себя в процессах организации жизнедеятельности человека, осуществляются все теми же нервно-физиологическими механизмами (других и сегодня наука просто не знает), но *иницируют их функционирование* не естественные, а специально сконструированные и преднамеренно построенные *искусственные (культурные)* агенты. Физиология высшей нервной деятельности, парадигма которой построена в соответствии с принципами идеала «классической» науки, а также рефлексология и реактология, не могли объективировать и исследовать эти явления адекватно их природе, поскольку последние – неспецифические с точки зрения биологии (и физиологии), неестественные по происхождению и генезису. *Психология*, наоборот, *может и должна* решить эту проблему (и в этом смысле она будет «последней наукой» [1, с. 436]) при помощи своих, предварительно разработанных, собственных познавательных инструментов, «заточенных» на те явления, которые недоступны познавательным средствам естественных наук. Взаимодействия между двумя науками, имеющими непосредственное отношение к «психическому», должны строиться исходя из правила: физиология (и рефлексология, реактология) отвечает за «фундамент» – «материальный базис» – нервную деятельность, психология несет ответственность за «высшую надстройку» – за искусственные, созданные в культуре и истории, знаково-символические конструкции, как в последствии определит их природу сам Л. С. Выготский, оказывающие воздействие человека на человека и человека на самого себя.

Л. С. Выготский первым из психологов во всей многострадальной истории науки о душе понял необходимость и приступил к формированию внутрипредметной онтологии как базовой части методологии психологии, основанной не на постулатах, а вопреки «логике» классической рациональности. Это позволило ему аргументированно сформулировать принципиально иной подход к пониманию психики и приступить к обоснованию «неклассического» понимания предмета и метода психологии.

Список литературы

1. Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса/Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии/Под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982. – 291 – 436 с.
2. Выготский Л. С. Методика рефлексологического и психологического исследования/Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии/Под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982. – С. 43 – 62.
3. Выготский Л. С. Сознание как проблема психологии поведения/Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии/Под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982. – С. 78 – 98.
4. Завершнева Е. Ю. «Путь к свободе»: К публикации материалов из семейного архива Л. С. Выготского/Новое литературное обозрение, 2007, – №5 (85). – С. 67 – 90. Электронная версия: <http://www.magazines.russ.ru/nlo/2007/85/za7.html>
5. Зинченко В. П., Мамардашвили М. К.. Проблема объективного метода в психологии. – Постнеклассическая психология. Журн. конструкционистской психологии и нарративного подхода. – 2004. – № 1. – С. 45 – 70.
6. Мамардашвили М.К. Необходимость себя: Введение в философию. Доклады, статьи, философские заметки. – М.: "Лабиринт", 1996. – С. 7 – 154. Электронная версия: <http://www:psylib.ukrweb.net/books/mamar02/index.htm>
7. Мамардашвили М. К. Органы онтологии/Доклад в Институте философии (г. Москва) 1 апреля 1986 г. Электронная версия: http://www:philosophy.ru/library/mmk/mamard_organy.html
8. Энгельс Ф. Диалектика природы/Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20.

TO THE ORIGINS OF THE “NON-CLASSICAL” PSYCHOLOGY: THE ATTEMPT OF GIVING AN INTERPRETATION OF THE NOTION “PSYCHE” IN THE ARTICLE “REFLEXOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL RESEARCH METHODOLOGY” BY L. S. VYGOTSKY

V. A. Karnauhov

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
karnauhov_va@rbcmail.ru*

The article deals with the interpretation of the first “official” article by L. S. Vygotsky, with which the great thinker came into psychology and stayed in its history forever. During the sharp discussion with the representatives of the empirical psychology, L. S. Vygotsky laid down the foundations of “non-classical” notions about the subject of psychology and its methodology in the context solutions about the nature of psyche.

Keywords: L. S. Vygotsky, subject field, ontological foundations of the cultural-historical psychology.